

Муштарий Баратова

БИЛЕТ

Муштарий Баратова

Билет

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22821424

Аннотация

На самом ли деле наша судьба зависит только от нас самих?

Главному герою кажется, что в жизни все идет гладко и удача на его стороне, пока в его руки не попадает странный лотерейный билет. Эта история повествует о нескольких днях, которые перевернули жизнь героя и изменили ее навсегда.

Я стоял у обочины и думал о том, как же меня все это достало – работа, шеф.

Не могу больше. Делся бы он куда-нибудь. Нет, честно, вот было бы здорово – приходишь с утра в офис, и Алинка, такая, говорит:

– Родион Павлович написал по электронке, что уезжает на полгода в... ну, куда-то там на «с», название забыла. И еще, твой международный проект. В общем, заказчики согласны дождаться его приезда, и стопроцентную предоплату им можно не возвращать.

Разве не фантастика?

Что еще, спросите? Конечно, глупые телки.

Я докурил сигарету, прицелился, чтобы выбросить окурок, и тут краем глаза заметил неподалеку девушку на шпильках.

Хм... Ну, она ничего так, фигурка там, все дела... Хотя нет, не сегодня, к черту их всех. По-любому это всегда заканчивается одним и тем же. Сначала их хочешь, потом, уж извините – нет, а они почему-то ведут себя так, словно ты – отец их будущих детей и чертов принц на белом чертовом коне. Интересно, а с чего эти дуры взяли, что на нашем шарике еще водятся принцы? Насмотрелись розовых соплей по телеку?

Нет, мужик, пора меняться. В конце концов, сколько еще ты намерен шараться и заниматься всякой ерундой? Слушай, а может, вместо того, чтобы стоять и пялиться на телоч-

ку, сделать что-нибудь хорошее? Ну, там, не знаю. Подвиг какой совершить? Ага, подвиг. Чего мелочиться то, лучше сразу парочку подвигов.

Я повернулся к магазинной витрине – в огромном стекле отразился невысокий улыбающийся шатен с растрепанными волосами.

Это я, приятно познакомиться.

Героическая бредятинa, царящая в моей голове, делала улыбку все шире и шире.

Ну, в принципе я еще очень даже ничего, и поправился не слишком заметно, правда? Вот все говорят, что я симпатяга. Не знаю, наверное, они правы, хотя по большому счету внешность – это ерунда. Главное, и я понял это достаточно давно, заключается в том, что чем поганее ты относишься к людям, тем лучше они к тебе. Парадокс? Парадокс. Ну а что тут такого? Сегодняшний мир – мир мазохистов. Они любят, чтобы их пинали, а потом усиленно плачутся друг другу в жилетку. И попробуй, лиши их этой сладкой возможности.

А телки – это те же мазохисты, только в юбках, да и то не всегда. Как они любят страдать и ныть про то, что мужики перевелись! Нравятся слезы и сопли? Ждете их с замиранием сердца? Пожалуйста, кушайте на здоровье. Вот вам на первое моя, так сказать, любовь, а на закуску – депрессия. Короче, полный комплект эмоций, о которых вы торжественно будете рассказывать своим подружкам. Приятного аппетита!

Ха! И при этом меня считают эгоистом. Разве давать другому человеку то, что он сам хочет, это эгоизм? Ты ведь так любишь сказки и вранье – вот и принимай их с распростертыми объятьями. Тащишься от красивых подкатов и лести – без проблем, получай от меня и то, и другое. Хочешь страдать? Так страдай, ведь тебе в кайф потом будет строить из себя жертву. Тем более что ты и сама прекрасно знаешь: твои тру-успехи на любовном фронте мазохистское окружение примет с кислой миной, а точнее с ненавистью. Не я установил эти правила игры, детка, так что не надо называть меня эгоистом. И в душу мне лезть тоже не надо. Запомнила? Я – не Робин Гуд, и спасать тебя не нанимался.

Блин, что-то меня сегодня клинит на героях. И, кажется, я начал заливать самому себе. Смешно.

Отраженное в витрине лицо опять расплылось в улыбке. Действительно, смешно. Так, что это у нас тут? Сале, минус пятьдесят процентов. Черт, вот начнешь думать о телках, и сразу мысли бабские лезут в голову.

Хм, постой. Давай начистоту. Не все они такие. Например, она – не телка и не баба, она – совсем другая. И если уж быть точным, она, на самом деле – ОНА. До сих пор помню ее запах, и это сводит меня с ума. Говорят, если даже мысленно не называть человека по имени, он рано или поздно уйдет из твоей памяти. Что ж, в моем случае это будет скорее поздно, чем рано, но все равно, есть надежда, что когда-нибудь я ее забуду. Оставайся безымянной, слышишь?

А помнишь, она не давала тебе врать, потому что была очень-очень сильной, гораздо сильнее тебя. Да, да, она была единственной, с кем ты (ладно, я) сам хотел стать мазохистом и терпеть все ее закидоны... нет, поступки. Не важно. Она была настоящей. Теперь я знаю это точно, вот в чем была ее сила. Так, мужик, стоп. Вечер воспоминаний на сегодня закрыт.

Интересно, мы еще когда-нибудь встретимся?

Мой внутренний моно-диалог внезапно прервался. Как оказалось, я все еще пялился в витрины какого-то магазина, гармонично вписавшегося в окружающие старые постройки, а мимо проносились легковушки. Вернее, они должны были проноситься, но вокруг неожиданного препятствия на дороге уже образовалась довольно приличная пробка, и это бешеные звуки десятка полтора автомобильных сигналов вывели меня из ступора долгих размышлений. В роли препятствия выступала старушенция, замершая как столб прямо посреди проезжей части.

Смешно, ей-богу, смешно. Разъяренные водители, кроющие растерянную бабку совсем не благим матом. О, вопрос. Как бы повел себя в данной ситуации я, будь моя сладкая под...э-э-э, рукой, а не в автосервисе? Нет, ну какие же все-таки идиоты. Вместо того чтобы гудеть как ненормальные, могли бы вытащить свои задницы из машин и узнать, почему она стоит там как вкопанная. Сразу же видно, что она не в себе.

– Эй, хорош гудеть!

Я бросился к бабке, мысленно обозвав себя Робин Гудом, и в который раз за день усмехнувшись своим героическим потугам.

Все-таки, как чувствовал, что сегодня придется бегать, и надел джинсы и кеды. Бабуля, бабуля, давай, не тормози!

Это была очень странная старушка. Низенькая, сморщенная, в одной руке она держала трость, в другой – пакет, синий такой, шуршащий. И все бы ничего, миллион таких, вот только на этой было длинное серое пальто, застегнутое на все пуговицы, осенние туфли, а голову венчала старомодная фетровая шляпа.

В июле-то? На солнце перегрелась, что ли?

Похоже, виновница происшествия элементарно заснула. Я потряс бабку за плечо и, сбитый с толку ее необычным видом, замычал:

– Э-э-э... Жен... Ба...

Придурок, ты еще ее девушкой назови.

– Бабуля, – решил я, наконец, – с вами все в порядке? Давайте-ка отойдем на тротуар, а то здесь машины, знаете ли ездят. Точнее, пытаются. Не дай Бог, собьют.

Ага, вон та харя на «лосе», по ходу, уже строит планы как бы проехаться по тебе, ну и по мне заодно.

Встрепенувшаяся было старушка переминалась с ноги на ногу, растерянно озираясь и явно не осознавая всю серьезность ситуации:

– Чего это я? Они мне сигналият, сынок?

– Бабуля, потом, потом, идемте...

Шевелись, а! Нет, блин, так дело не пойдет. Что-то мне совсем не улыбается валяться здесь под колесами какого-нибудь Шумахера в теплой компании с тобой.

Я схватил бабуку за плечи и буквально перетащил через дорогу в безопасное место, благо ростом она была, как это принято говорить, сильно ниже среднего.

– Странно, мне казалось, что я уже перешла на другую сторону.

Приснилось тебе это, бабуля.

– Нет, вы застыли прямо там в самое неподходящее время. Так с вами все в порядке? Слушайте, все-таки здорово, что с вами ничего не случилось. Вы, это... поаккуратней, что ли. Далеко живете? Давайте, провожу.

Я вел семенящую старушку по тротуару, а в голове снова вертелась дурацкая мысль о Робине Гуде.

О, да. Я – сама доброта. Чип и Дейл в одном лице, подмога всем местным старушенциям.

– Спасибо тебе, спасибо большое.

Хм, странно. Голос молодой. Услышишь такой по радио – ни за что не догадаешься, что его обладательнице лет, эдак, сто двадцать.

– Да не за что, бабуля. Я тут стоял рядом, увидел, что с вами что-то не так. Так где вы живете? Вообще-то в вашем возрасте надо бы с провожатыми ходить. Мало ли чего? Куда

идти то, помните?

– Нет-нет, спасибо, не надо. Вон мой дом, – она махнула рукой в сторону жилого массива, начинавшегося как раз напротив того самого магазина. – Видишь, третий подъезд справа, девятнадцатая квартира. Давно уже, много-много лет назад въехали.

Ага, ты мне еще ключ от нее дай, где деньги лежат. Нет, какой все-таки странный голос.

– Подержи-ка.

Рассказывая во всех подробностях, где именно она живет, бабка параллельно пыталась что-то достать из своего пакета, но ей мешала трость. Отчаявшись, она протянула ее мне.

Как истинный джентльмен, ни в чем не мог отказать даме. Блин, тяжеленная. Как она ее таскает?

– У меня тут кое-что есть для тебя, в благодарность, – бабкина освободившаяся рука живо вытащила из пакета какую-то бумажку.

– Да вы что, бабуля! Не надо. Перестаньте!

Черт, неужели я похож на скотину, которая бабку через дорогу переведет только за деньги. Интересно, что она мне так настойчиво пытается всучить? На деньги, вроде, не похоже. О-па, лотерейный билет. Нет, серьезно, лотерейный билет?

– Знаешь, вот уже десять лет как я покупаю эти лотерейные билеты, правда, так ни разу и не выигрывала. Невезучая, наверное, – старушка улыбнулась чему-то своему. – И зна-

ешь, что я думаю?

Конечно, знаю! Ведь я чемпион по угадыванию мыслей всяких разных старушенций.

– Я думаю, что этот билет выигрышный. Самый последний купленный мной билет обязательно должен выиграть, иначе быть не может. Возьми.

– Бабуля, да с чего вы взяли, что он последний? Вы еще кучу таких купите, вот увидите.

Ну, что я вам говорил? Люди всегда от меня слышат лишь то, что хотят услышать. Даже такие древние как она.

– Спасибо, не надо, оставьте себе. Тем более что он выигрышный. Это же ваша лотерея, вы в нее играете.

Боже мой, какая чушь. Неужели действительно есть те, кто верит в этот бред? Лотереи, акции. Халява, одним словом.

Лицо вечно небритого препода по теорверу повисло перед глазами, но даже зрительный стимул не помог извлечь из памяти былые знания. Эх, вы, Лев Иванович...

Хм, формулу, конечно, не вспомню, но суть и так ясна – вероятность выигрыша настолько мала, что сумма потраченных на билеты денег во много раз превышает все возможные призы. Победа одного счастливого целиком и полностью оплачена вот такими вот доверчивыми бабками.

– Нет, нет, возьми, я настаиваю. Это же такая мелочь. Мое желание. Просьба моя. Ведь ты так мне помог...

Старушка держала меня за руку и заглядывала прямо в

глаза.

Черт, вот же привязалась. Ничего не понимаю. Почему я дрожу? Такое ощущение, будто она сама или этот чертов билет предвещают что-то необычное, жуткое. И глаза. Готов поклясться, что такие яркие глаза бывают только у молоденьких девчонок. Слушай, а может, это я перегрелся на солнце?

Стоило всего лишь на долю секунды ослабить отпор, как она всучила мне свой якобы выигрышный билет.

– Милый, еще раз большое спасибо, – сказала она, взглянув на меня своими странными глазами, развернулась и с достоинством удалилась по направлению к соседней пятиэтажке.

Я же, растерянный, остался стоять посреди тротуара с зажатым в кулаке лотерейным билетом.

Да, ничего не скажешь, дурацкая ситуация. Нет, я ее, конечно, не грабил, но все равно. По ходу, лотерея – это последняя радость в жизни, источник призрачного смысла ее существования, и вот я, здоровенный лоб, держу его в своих руках. Хотя с другой стороны, не бежать же за ней с криками «Возьмите, возьмите обратно». Всучила – и всучила. Нормально. По большому счету, если бы не я, кто знает, может, она сегодня бы благополучно скончалась под резиновыми копытами того бешеного «лося». Ведь бывают же на свете благодарные люди, готовые отдать спасителю самое дорогое. Тоже мне, спаситель, блин, нашелся.

Все-таки надо было проводить ее до квартиры. Хм. Да нет,

вроде, идет уверенно, и до подъезда того всего метров пятьдесят. В крайнем случае, если опять заснет по дороге, добегу.

Ну-ка, посмотрим.

Лотерейный билет был зеленого цвета, с крупной надписью «100 000».

Да, сто тысяч рублей – это, конечно, круто. Только такие вот старушки и могут радоваться при мысли о наших ста тысячах. Зеленый. Вообще-то, зеленый цвет ассоциируется с удачей. Что-то там такое было, у ирландцев, кажется. Дубовый лист на зеленом фоне, или ясеневый. Не важно. А вдруг на самом деле выигрышный? Получится, это будут бабульки от бабульки. Надо запомнить, хороший рекламный слоган для лотереи.

Я был немного пьян. Болела голова и безумно хотелось спать.

Ого, на часах уже 2.35. Порядочные мальчишки уже давно должны быть в кровати и смотреть десятый сон. Блин, завтра же на работу.

Я выгреб из джинсов весь хлам и швырнул на стол. Ключи, презервативы, сигареты, мятный Орбит, деньги, какая-то бумажка: на одной стороне номер какой-то Юли, на другой Коли – сантехника.

Включим логику. Получается, сначала эта самая Юля всучила мне номер, а уже потом Саша, сама щедрость, нако-

нец-то, разродился телефоном своего мега сантехника. Да, именно. Если бы было наоборот, Юле грозило остаться не записанной. Хорошие сантехники важнее. Черт, у меня же второй день как течет под раковиной. Первое, что сделаю с утра, позвоню Коле. А сейчас – спать. Спать!

Так, это что? Билет.

Я сразу вспомнил молодые глаза встреченной днем бабки. Подумать только, она дорогу то перейти самостоятельно не может, а я еще должен верить в ее сказки и чудесный выигрыш.

Мысль так и осталась незаконченной. Скомканная зеленая бумажка приземлилась точно в корзину для бумаг, в огромную кучу ненужных записулечек, которые давно пора было выбросить, а моя голова, едва коснувшись подушки, налилась свинцом и поплыла. Я уснул мгновенно, как убитый.

Телефон надрывался. С трудом выкарабкиваясь из глубокого сна, я успел понять две вещи: жутко болела голова, и за окном был уже день.

Черт, ну почему я не вырубил вчера звук на мобильном! Шеф звонит. Так, сколько сейчас? Два часа!? Ничего себе, вот это я проспал. Хорошо, без паники. Скажу, что заболел. Имею полное право. Родион Павлович, извините, хочу сегодня отлежаться, а завтра с утра – как штык, в девять часов у вас. Да, проект уже почти готов, вам понравится. Ничего, ничего, он отходчивый, и к тому же меня любит. Еще пару

минут, и можно будет снова завалиться.

– Идиот!

Остатки сна бесследно испарились под яростные крики из трубки, но головная боль, к сожалению, осталась.

– Кретин! Ты что, возомнил, что тебе все дозволено?! Ты знаешь, что заказчики отказались от нас из-за того, что ты четыре месяца... че-ты-ре... кормил их завтраками?! Мы – не профессионалы. Вот, вот что они мне сейчас сказали и ушли к Сергею! Черт, ты просрал международный проект и подарил его нашему прямому конкуренту! Ты что, работаешь на него?! Это такая подстава, да?! Придурок, знаешь, на сколько я попал? Знаешь? Да тебе за всю жизнь столько не заработать! Нет, все! Ты меня реально достал! Мало того, что ты вечно заваливаешься пьяным, положил на дисциплину. Так ты еще и... ты... Короче, если еще хоть раз твоя рожа появится у меня в офисе, я прикажу охране вышвырнуть тебя за дверь. Ты меня понял? Понял?

О-хре-неть. Я два года пахал на него как каторжный, и теперь он собирается спустить меня с лестницы? Меня?

– Родион Павлович...

– Идиот!

У него что, климакс? Или Альцгеймер? Да вся эта долбанная фирма держится только на мне! Никто не зарабатывал для него больше, никто и никогда! Я не только лучший рекламщик, я зам генерального, его зам, черт побери! И занял эту должность не за красивые глазки, а потому, что я –

профессионал! И дело свое знаю лучше, чем... женщин. Я действительно лучший.

– Родион Павлович...

– Кретин!

Придурок, это я кретин? Ты скажи спасибо, что я вообще у тебя работаю! Да, конечно, я мог приползти в офис на рогах, мог уйти в загул на неделю, но ведь это все от стресса. Каждый расслабляется, как может. Нет, ты не просто придурок, ты еще и тормоз – я ведь два года вел себя таким образом. Но, несмотря на это, всего за день мог привлечь больше клиентов, чем вся твоя гребаная контора за целый месяц! Живых клиентов с живыми деньгами!

Ну, заглохни уже, а?! Как же болит голова. Боже, сделай так, чтоб он заткнулся, пожалуйста! Не могу больше! Где, черт побери, в этом доме валяется аптечка?

Я включил спикерфон и отправился на поиски спасительной таблетки. Голос шефа стал глуше, но все равно, умей он материализовывать свои проклятья, я бы уже давно умер.

Так, а это что еще за звук? Из ванной? Черт, я же должен был позвонить сантехнику!

Из-под раковины бил настоящий фонтан.

Черт! Черт!! Черт!!! Только этого мне не хватало.

Потоки ледяной воды уже добрались до коридора.

О, ты, наконец, заткнулся?

–Родион Павлович. Доброе утро. Я так понял, у вас плохое настроение? Думаю, все еще можно поправить, не пере-

живайте. Я сейчас приеду и мы обязательно...

– Доброе утро? Доброе утро?! У тебя еще хватает наглости говорить мне «доброе утро»?! Какое оно, к черту, доброе?! Нет, ты явно не понял. Ты уволен! У-во-лен! Вещи получишь через курьера. И не приведи Господь тебе попасться мне на глаза.

Короткие гудки.

Ё-мое, что же делать? Так, сначала труба. Этот идиот остынет и сам позвонит. Слава богу, он отходчивый. Нет, а все-таки я молодец. Сдержался, говорил спокойно, и это в такой-то ситуации. Красава!

Пока я метался по квартире в поисках инструментов, затопило зал, потом, пока пытался заделать течь самостоятельно – спальню и кухню.

Ну не умею я этого делать, не умею! В институте не проходили... тили-тили... Коля, возьми трубку. Скажи «алло», Коля, пожалуйста! Черт, Саша говорил, что он дома только вечерами бывает. Вот, еще один идиот. Дядя, если ты не в курсе, есть такая вещь, «мобильный» называется. Если я буду ждать его прихода, то затоплю всех вплоть до подвала. Интересно, почему ко мне до сих пор никто не ломится?

Соседи снизу пришли ровно через пятнадцать минут и, естественно, совсем не для того, чтобы предложить бескорыстную помощь ближнему, попавшему в беду. Кто бы сомневался. Как я и думал, с потолка текло аж до шестого эта-

жа, и это притом, что моя берлога – на девятом.

Веселенький денек, ничего не скажешь. Теперь, помимо шефа, меня мечтает застрелить почти весь подъезд. Народ, становись в очередь.

– Да что же это такое делается то, а?! Мало того, что по ночам пьянки и разврат устраивает, честным людям спать не дает нормально... Так еще и затопил! Вот посмотрите, дядя Женя, ремонт же только сделали! Я милицию позову!

А что так слабо то? Давай, сразу спецназ. Нет-нет-нет, лучше голубые каски, рыл этак пятьсот, меньшим количеством не справятся. Дура! Почему обязательно нужно верещать так, как будто тебя режут или насилуют? Нет, ты тогда так орать не будешь.

– Да что ж ты стоишь как вкопанный! Надо же что-то делать! Воду хотя бы перекрой!

По ходу, нормально разговаривать вы все уже разучились. Вперед и с песней, дядя. Черт, да позовите же кто-нибудь сантехника!

Местный деятель из ЖЭКа, или как там сейчас эта контора называется, все-таки пришел, поковырялся всего минут десять, но раковина течь перестала.

– Так, порядок.

Да, мужик, у нас с тобой явно разные представления о порядке, но все равно спасибо. Держи бутылку, заслужил.

Ну что ж, подведем итоги. С работы уволили – раз, квартире хана – два, жалоба участковому от соседей – три, ре-

монт нижних квартир – четыре. Убит. Срочная ликвидация последствий наводнения при помощи ведер и тряпок – контрольный в голову.

Еще два часа назад мое жилище больше напоминало аквариум, чем обычную квартиру, но благодаря титаническим усилиям мне удалось-таки привести ее в относительно нормальное состояние. Очень относительно.

Выше нос, мужик! Теперь, хотя бы, не нужно будет отращивать плавники и покупать ласты.

Я сидел на полусыром диване, курил пока еще сухие сигареты – повезло, они на столе лежали – и перебирал в памяти события этого дня. Странно, но оказалось, что самые яркие впечатления оставили домашние тапочки, медленно, с достоинством, проплывшие из коридора в зал.

Так, что еще? Соседи... в топку. Участковый... туда же. Мое увольнение...

Чем больше я думал о дикой выходке шефа, тем больше склонялся к мысли о том, что это была шутка, так сказать, выездная серия программы «Розыгрыш». Нелепость какая. Партнеры, о которых шеф орал в трубку, должны прилететь только через неделю, презентация почти готова, и он об этом прекрасно знает, осталось только графики добить. Я даже речь ему показывал, ту самую, с которой он будет выступать перед заказчиками. Да черт с ним, с проектом. Он десять минут орал на меня благим матом, а ведь никто и никогда рань-

ше не слышал от него ни слова громче пятидесяти децибел. Он же всерьез считает, что только неуверенные в себе люди опускаются до криков. Ничего не понимаю. Логика подсказывает, что либо его заклинило (с кем не бывает), он одумается и завтра сам позвонит извиняться. В этом случае на работу сегодня можно не ходить. Ну либо это действительно розыгрыш, и тогда на работу ходить тем более не стоит, дабы не выставить себя перед неизвестными пока приколистами полным придурком.

Решено, в офис не иду. Хотя, на часы посмотри, идиот, шестой час уже, какой офис?

– Алло, здравствуйте, я насчет машины звоню. Вы говорили...

– Извините, мы на проверку закрыты... Я позвоню вам, когда можно будет забрать... Э-э-э, в общем, надеюсь, в следующем месяце, может быть... сами же понимаете...

Эх, сладкая... Что же сегодня за день то такой!

Я сидел на кровати (одном из немногих сухих предметов в моей разгромленной квартире) и пытался понять, за что мне все это. Я никогда не был нытиком и плаксой, держался бодрячком, когда меня бросали женщины или случались проблемы по работе. И если уж на то пошло, у меня вообще было мало проблем: счастливое прошлое, полное пофигизма настоящее – в смысле, я был настолько равнодушным человеком, что нужно было очень постараться, чтобы вывести

меня из равновесия. Вот сегодня кому-то это явно удалось.

Блин, голова болит, не переставая, зараза (я все-таки смог добраться до аптечки, но концерт, устроенный соседями, свел действие таблетки практически к нулю).

Заветная бутылка виски стояла в баре, в другой комнате. Через пару минут, усевшись с полным бокалом, я попытался мысленно сконцентрироваться, но глаза волей-неволей продолжали бездумно блуждать в пространстве, всюду натываясь на следы недавнего потопа. Вздыбленный ламинат, лопнувшие по низу обои, мокрый ковер, вещи, разбросанные тут и там.

Стоп. Не может быть. Этого просто не может быть...

Корзина для бумаг, та самая, что всегда стояла под столом, была пуста, хотя ей по всем раскладам полагалось быть полной. Я точно помнил, что еще вчера бумажки, скопившиеся за пару недель, буквально вываливались через край, и билет, который я в нее зашвырнул.

Подбежав к урне, я замер. Все верно, бумаг в ней действительно не было. Точнее – почти не было. На самом дне лежал зеленый лотерейный билет, гладкий, как будто только из типографии, и, самое главное, сухой. Книжки, сваленные рядом на полу, были мокрые, а билет абсолютно сухой, несмотря на то, что по всем законам физики для воды сетчатая стенка – не преграда.

Мистика какая-то. Или мне приснилось, что в урне была макулатура, или прошлой ночью ко мне прилетала Зубная

фея, временно переквалифицировавшаяся в Бумажную. Зажмуриваться и отворачиваться – глупо, да? Ха, не помогает. Может, виски перебрал? Или... Да черт с ним, с этими бумагами, мужик! Почему билет то сухой? Он ведь сухой, а должен быть наоборот.

Дрожащими руками я вытащил его из корзины. Билет как билет, зеленый, на одной из сторон напечатано «100 000», чуть ниже идут цифры +7 905 223 23 23.

Номер телефона? Позвонить? Или лучше Саше? Алло, друг, я тут, по-моему, сошел с ума. Ладно, это успеется.

В самом низу шла серебристая полоса – по-видимому, ее полагалось стереть, чтобы узнать результат лотереи.

Рискнуть? Или... А-а-а, черт, черт, черт!

Я вытащил ножницы и начал осторожно соскабливать блестящий слой. В Ы В Ы... Быстрее, быстрее! И Г Р А Л И.

Я внезапно вспотел и с трудом перевел дыхание.

Выиграл. Бабка оказалась права – я действительно выиграл.

Я ничего не чувствовал – ни холода от мокрой одежды, ни шума в ушах от громких воплей, ни головной боли (она внезапно куда-то делась), ни опьяняющего тумана от виски. Одна пустота, звенящая какая-то, тревожная.

Я выиграл. Выиграл.

Это слово вертелось в мозгу на репите.

Фильм «Игра». Меня точно кто-то решил разыграть. Все

это подстроено: с шефом, потопом, урной, билетом. Нет, бред. Никто не станет устраивать такие разводы. Да и бабка, вспомни, бабка ведь не играла, я уверен. Чушь, просто чушь какая-то. Стоп, есть же номер телефона. Надо позвонить и выяснить, что тут, черт побери, творится. Это же их билет, они должны знать, объяснить, в конце концов.

Почему-то дрожали руки. Несколько раз я начинал набирать цифры и тут же сбрасывал.

Откуда такая неуверенность, мужик? Ты даже с телками вел себя по-другому, а тут всего лишь какой-то вшивый лотерейный билет. Вот позвоню, а они скажут, что это шутка, мне это приснилось или я тупо, напился. Ведь все можно объяснить логически.

– Алло, здравствуйте, лотерея «Удача от ангелов». Чем я могу вам помочь?

Трубка заговорила очень знакомым женским голосом.

Ё-мое, какая еще «Удача от ангелов»? Кому вообще взбрело в голову называть так лотерею? У вас что, креативом «Гранд Идея Эксклюзив» какой-нибудь заведует?

– Здра...здравствуйте, – я запнулся, так как не знал что говорить. – Понимаете, э-э-э... даже не знаю, как это объяснить... Я тут ваш лотерейный билет получил... ну, это... при очень необычных обстоятельствах...

– Да-да, я вас слушаю. Вы стерли защитный слой? Что там вышло?

Вот черт, спокойно так, уверенно, словно человек сто ей

на день звонят с подобными вопросами. Что же, со всеми такие катаклизмы, как у меня, случаются?

– Ну, вроде как выиграл я. Но, наверное, это ошибка. Знаете, я же не играл никогда в жизни, мне этот билет подарили...

– Нет-нет, все верно, раз выиграла – значит, выиграла. Поздравляю! Ваш выигрыш составил сто тысяч долларов США, разумеется.

Чего? США? Долларов США? Ты там издеваешься, что ли?

Э-э-э... я, наверное, ослышался?

– Все почему-то так говорят, – голос на том конце провода зазвенел от смеха. – Вы действительно выиграла сто тысяч долларов США от лотереи «Удача от ангелов». Скажите, вы сможете завтра приехать за призом? Мы находимся по адресу...

Да знаю, знаю, там еще ТРЦ новый построили, и стоянка большая напротив.

– Обязательно приезжайте. Офис работает до семи вечера. Мы будем вас ждать! Спасибо за то, что играли с нами. До свидания.

– Э-э-э... вам спасибо.

Короткие гудки.

Бред, просто бред... Черт, где же я все-таки мог слышать этот голос? Марина? Настя? Да нет, точно не она, ведь я никогда не забываю женские голоса. Лотерея, ангелы, доллары

какие-то... А, может, перезвонить? И что, на диктофон ее записывать будешь, что ли? По ходу, тут одно из двух: или мир вокруг, или я сошел с ума. Однозначно. Забавно, никак не могу выбрать, что же из этого для меня предпочтительней.

Я курил у окна, все еще пытаюсь логически осмыслить недавние события. Получалось, если честно, не очень. Опыание давно прошло, но, тем не менее, я никак не мог сосредоточиться и выдать для анализа хоть одну идею, отличающуюся от «этого просто не может быть».

Как всегда, усиленные мыслительные процессы вызвали у меня ощущения жуткого голода, но холодильник в моей мокрой квартире, я это точно знал, был абсолютно пуст. Это, кстати, тоже как всегда.

Хм. В моем доме полным бывает только бар.

После всех тех воплей, что я за сегодня наслушался, здесь было удивительно тихо, уютно и даже как-то умиротворенно. Раскрыв меню, я понял, что сама мысль о еде вызывает отвращение, но все-таки рискнул заказать сосиски без гарнира (боже, как одиноко они смотрелись на огромной белой тарелке) и черный кофе без сахара.

По указанному секретаршей «Ангелов» адресу я решил не ехать: все слишком смахивало на розыгрыш и могло закончиться наиглупейшим образом. Я прямо физически представлял себе сцену, как кто-то будет ржать до колик надо

мною – лохом, мечтающим нахалству срубить баксы, и от этого меня начинало колотить с новой силой.

Нет уж, не дождетесь! Черт, найду того, кто все подстроил – урою!

Хотя в глубине души я твердо знал – никто такого сделать не мог.

Звякнул входной колокольчик, и кто-то задорно засмеялся.

Приехали... Ее смех. Так, стоп. Стоп! Мужик, расслабься, вот уж этого точно быть не может, по-любому. Она год как уехала на родину гребаных баксов, забыл? Ей было слишком тесно в нашем городе. Сиди смиренно, не оборачивайся!

Я вдруг с ужасом осознал, что мои жалкие потуги убежать от воспоминаний и тоски, навалившейся после нашего разрыва, летят под откос, трещала и расплзалась по швам усиленно взращиваемая личина беззаботного плейбоя, которому в принципе до фонаря любовные переживания – и все потому, что мне на мгновение показалось, что в кафешку, где я ужинал, вошла она.

В зале действительно были новые посетители (краем глаза я увидел парочку) – похоже, они решали, где лучше сесть, в центре или у окна. Высокий парень в нормальном таком прикиде, симпатичная девушка, поправляющая непослушные волосы таким знакомым движением. Ее движением.

Это ОНА.

Почему-то стало невероятно трудно дышать.

Смешно. Ты так мечтал ее увидеть хотя бы мельком, а сейчас, когда вас разделяет всего каких-то пару-тройку метров, молишься всем богам о том, чтобы она прошла мимо, не заметила, не узнала. Слушай, а может, все-таки лучше под стол?

– Ты? Не могу поверить! Это что, действительно ты?!

Все...

– Привет. Как дела?!

– Привет... какими судьбами... у меня все отлично... сама как?

Дежурные фразы, на удивление, получились довольно легко, но улыбка подкачала – никак не клеилась к моему обалдевшему лицу. Наверное, я выглядел полным идиотом.

– Я очень рада тебя видеть, честно-честно. Это же Макс, – повернувшись к своему спутнику, она назвала мое имя, – помнишь, я о нем тебе рассказывала?

Она говорила с ним обо мне? Кто, черт побери, это такой, и почему он держит ее за руку?

– Я тоже рад. Не ожидал... ты давно вернулась? Что-то случилось?

– Не поверишь, только сегодня утром с самолета. Какие новости? Хотя, нет, давай, сначала я.

Она улыбнулась и посмотрела на стоявшего рядом парня.

– За последнее время столько всего произошло – прямо не знаю, с чего начать. Вот, для начала, познакомься, Леша – мой жених. Собственно, из-за него я и прилетела домой.

Сам понимаешь, свадьба, все дела.

Замуж...

Интересно, сколько еще я смогу выдержать, прежде чем сломаюсь? Неудачи по всем фронтам, и ни минуты, чтобы перевести дыхание и хоть как-то подготовиться к новому удару судьбы.

В голове не укладывается, правда, надеяться на то, что мне это послышалось, увы, не стоит. Мужчина в юбке, та, кто со школьной скамьи мечтала о карьере и самостоятельности, сбежавшая на другой континент, когда родственники стали уж очень активно устраивать ее личную жизнь, сейчас говорит мне, что выходит замуж и выглядит при этом абсолютно счастливой.

– Понятно. Поздравляю вас обоих, – вот все, что я смог выдать из себя в этой ситуации. Про интонации молчу – сдается мне, именно так неизлечимо больные встречают смертный приговор своего врача.

– Ты торопишься? Так много хочется тебе рассказать...

– Нет, нет, извини, времени совсем нет, бежать надо. Вот только кофе допью. Давай как-нибудь в другой раз.

Я был уничтожен. Все, о чем я втайне мечтал – счастливая семейная жизнь с ней, так, чтобы вместе до гробовой доски – теперь достанется этому Леше, и я ничего не мог с этим поделать. Разве что убить конкурента. Смешно.

Никакой он тебе не конкурент, мужик, и ты сам это прекрасно знаешь. Прошло столько времени, к чему теперь

удивляться, что она встретила другого и ради него (не тебя!) вернулась из Штатов.

Допив омерзительно горький кофе – будто кто-то, воспользовавшись моментом, щедро плеснул мне в бокал настойку полыни, я подошел к соседнему столику, где сидели они, попрощался на автомате и побрел к выходу.

Там-там-тарам-там-там-там...

В голове набатом бил Мендельсон.

Боже, за что мне все это? Неужто я по жизни настолько серьезно запорол?

К ночи обещали дождь, и, похоже, Гидрометцентр снова не ошибся в своих прогнозах. Я шел по улице, а вдалеке без остановки мерцало и уже начинало грохотать – предвестники надвигающейся бури.

– Мне нужно больше, чем может дать этот город, – сказала она мне год назад, держа в руках билет до Нью-Йорка. И вот теперь оказалось, что карьера и успех были всего на всего отговорками – ширмой, за которой она переживала горечь нашего разрыва. Прошел лишь год и она с радостью выходит замуж за другого.

Хотелось вернуться в кафе и спросить, что же тогда произошло между нами, и почему она предпочла мне какого-то Лешу. Но, конечно, я не мог этого сделать – мешала уязвленная гордость.

Внезапно налетел сильный ветер, в пяти метрах от меня

рухнула толстенная ветка, лишь чудом не задев припаркованный на обочине внедорожник, на асфальт упали первые тяжелые капли.

Ура, начинается! Хотя одно приятное событие за последние сутки: быть может, дождь принесет долгожданную прохладу и свежесть, по которым изнывал душный, июльский город, и я вместе с ним.

М-да. Что-то с погодой небесная канцелярия сегодня явно переборщила.

Желанный и многообещающий дождь очень быстро перерос в настоящее буйство стихии – с неба полило как из ведра. Я бросился бежать.

Когда я заметил вывеску, было уже около одиннадцати. Град прекратился, и убийственная духота навалилась с новой силой – да так, что моя вымокшая до нитки одежда почти высохла. Идти было некуда, и я решил заглянуть внутрь.

Ничем не примечательная обстановка, десяток посетителей, официанты, бильярдные столы.

Чтобы основательно надраться, мне понадобился примерно час. Обведя зал разъезжающимися глазами, я понял, что за то время, пока я пил, народ успел рассосаться. Из посетителей в баре, кроме меня, оставались лишь двое за дальним столиком, да рыжий бородач-качок – он лениво катал шары и, поймав мой взгляд, предложил присоединиться.

Легко.

– В «американку»?

– Идет.

Одна партия, вторая, третья. Четвертую мы уже играли на интерес. Я, кстати, долго отказывался, поскольку успел спустить на виски всю наличность, но рыжий в два счета развел меня на слабо, как сопливого пацана.

– Если проиграю, отдам часы, по рукам?

– По рукам.

Игра была напряженной – во всяком случае, вокруг стола сгрудились сдавшие смену официанты, а уж им-то явно не впервой наблюдать за тем, как подвыпившие клиенты рубятся и отдают победителю последнее.

– Братан, я домой. Отдавай мои «котлы».

Ё-мое, как глупо. Эти часы я купил на свою первую нормальную зарплату.

В голове молниеносно созрел безумный план. Я засунул руки в карманы и извлек на свет зеленую бумажку.

– Мужик, слушай, давай, отыграюсь, а? Вот смотри, у меня тут лотерейный билет. Я по нему сегодня сто тысяч баксов выиграл, но деньги еще не забрал.

– На кой черт мне сдался твой вонючий билет? Часы, говорю, давай. Ты продул.

– Знаю, но предлагаю тебе еще одну партию, последнюю. Если и на этот раз выиграешь, отдам тебе свой билет. Он выигрышный, клянусь.

– Слышь, ты, я не настолько пьян, чтобы повестись на та-

кое фуфло.

– Не веришь мне – позвони, вот здесь номер телефона, они подтвердят. Или запиши мой – если не получишь деньги по билету, в любой момент сможешь меня найти.

Услышь такое я сам, ни в жизни бы не поверил, но рыжий, наверное, был еще пьянее моего (это при том, что я с трудом удерживался в вертикальном положении). Он долго стоял, размышляя о чем-то, и, наконец, протянул мне волосатую руку.

– Играем в последний раз. Клади мой билет на бортик.

Через сорок минут это действительно стал его билет, но, несмотря на обиду от очередного поражения, я был скорее даже рад: во-первых, любимые часы остались при мне, а во-вторых, удовольствие разбираться с чертовщиной вокруг лотереи весьма удачно переместилось на плечи рыжего качка.

– Не умеешь играть – не берись, – напутствовал он меня напоследок, и я поспешил убраться из бара, пока тот не передумал. На лестнице стояли шушукавшиеся официанты – по-видимому, всех интересовал только один вопрос, не наколол ли я своего противника.

На всякий случай, завтра надо будет сменить симку.

Ночью звонил телефон. Я смутно помню, что это была она: пригласила на свадьбу тридцатого числа, долго говорила о том, что любит его так, как никогда и никого прежде, за что-то сбивчиво извинялась. Я молча слушал и боролся с

внезапно подступившей тошнотой.

Потом, наверное, я заснул, точнее, провалился в какую-то яму. Казалось, я целую вечность падал в никуда, а вокруг калейдоскопом мелькали обрывки воспоминаний годичной давности, недавняя сцена в кафе, какие-то цветные всполохи. Постепенно из этих осколков сложилась она, и я даже сквозь сон почувствовал ее запах. Я смотрел ей в глаза, но внезапно дорогое мне лицо подернулось рябью, заговорило голосом (я его сразу узнал) секретарши «Ангелов», вот только слов было не разобрать. Где-то на головокружительной высоте, у края бездонного колодца, в который я стремительно погружался, появилась старушка, всучившая мне свой странный билет. Она, кажется, махала мне вслед рукой и что-то шептала на прощание, а я все падал и падал. Вдруг стало тихо и темно – я достиг дна и больше уже ничего не помнил.

Проснувшись на рассвете с дикой головной болью, я какое-то время не мог понять, где нахожусь – так обычно бывает после попойки. Наконец, с трудом идентифицировав пространство как собственную комнату, я перешел ко второму пункту программы – попытался вспомнить вчерашний день, собирая его отрывки по пазлам. Что удивительно, мои мысли с упорством маньяка возвращались к игре и к тому, что я отдал лотерейный билет рыжему качку. Неожиданно в памяти всплыла бабка из сна, махавшая мне рукой с обрыва, и

стало как-то не по себе.

Черт, она подарила тебе свой последний билет, а ты, засранец, так легко с ним расстался!

К обеду я уже точно знал, что надо сделать.

На той улице ровным счетом ничего не изменилось – разве что пробки не было, да возле ее подъезда (если я правильно его запомнил) толпился народ. Многие были в темном.

Слегка ошарашенный (с чего вдруг такие митинги?), я подошел поближе и услышал чьи-то всхлипы.

– Здравствуйте, вы на поминки? – тихо спросил парень, стоявший чуть поодаль.

– Э-э-э... да нет, вроде. Я тут бабулю одну ищу. В этом подъезде, кажется, живет.

– Да, наверняка вы к моей бабушке. Она была единственной пожилой женщиной в нашем доме.

До меня медленно, но верно начало доходить, кого здесь провожали в последний путь, но я ухватился за спасительную мысль:

– Скорее всего, это какая-то ошибка. Понимаете, бабуля, которую я ищу, подарила мне свой лотерейный билет, а я его случайно потерял. Вот, извиниться хочу перед ней.

– Бабушка умерла. Она говорила, что вы придете. Знаете, играла в эту лотерею лет десять, но так ни разу и не выиграла, ни копейки. А вам, говорила, обязательно повезет, такой уж вы человек. Конечно, теперь это уже не имеет никакого зна-

чения, но, все-таки, скажите, билет оказался выигрышным?

Противный комок застрял в горле, и я лишь кивнул ему в ответ. Внук моей старушки (это, безусловно, была она) взглянул, как мне показалось, с укором, и впервые за много-много лет мне стало мучительно стыдно.

Ведь я, урод, даже не сообщил, что ей наконец-то улыбнулась удача от ангелов. А вдруг эта новость хоть немного продлила бы ее дни или просто порадовала в последние часы жизни?

Я пролепетал какие-то соболезнования и отошел в сторонку, не в силах больше выносить присутствия этого парня. В его потерянной фигуре мне чудилось немое обвинение самому себе, хотя, скорее всего, у меня просто разыгралось воображение.

Стояла необычная для этого времени суток тишина, только изредка прерываемая всхлипами – неподалеку от меня плакала какая-то женщина в черном платке (дочь, наверное). Невысокая девушка с короткими волосами, перехваченными темной повязкой, обнимала ее и что-то тихо говорила, видимо, успокаивая, тот парень, отчужденный, стоял рядом, уставившись на землю. Мимо бесшумно проезжали автомобили – казалось, водители знали о случившемся и, уважая чужой траур, забыли о сигналах, а редкие прохожие, больше похожие на собственные тени, двигались как будто во сне.

Не выдержав, я попрощался и уехал, сославшись на неотложные дела по работе. Он ведь не мог знать о том, что меня

уже день как уволили.

Впервые в жизни я не знал, что мне делать. Призрачная надежда на то, что бабка поможет хоть в чем-нибудь разобраться, бесследно испарилась вместе с ней, а список неразрешенных вопросов пополнился еще одним – откуда она могла знать, что это был ее последний билет? Я вспомнил свой странный сон, и по спине в который уже раз пробежала мелкая дрожь. Где кончается загадка и начинается сфера профессионального интереса психиатра?

Куда пойти? Ну что, ж начнем по порядку.

К Саше?

Почему-то я был уверен, что друг, каким бы близким он не был, – не лучшее подспорье в моей ситуации. Я должен буду рассказать ему все в мельчайших подробностях, но как это сделать, если сам пока не знаю, что в этой истории действительно имеет значение, а что – случайно и прокралось в цепь моих умозрительных выкладок только под воздействием богатой фантазии. А еще я подспудно боялся, что, не разобравшись в чем дело, Саша, всегда видевший только забавные стороны, тупо начнет ржать надо мной как конь. Скорее всего, я на его месте поступил бы именно так. Пока отменяется.

В офис?

Набрав шефа несколько раз, я понял, что либо он сильно занят, либо просто не хочет со мной говорить, причем вто-

рое больше походило на правду: уходя на важные переговоры, повернутый на бизнес-этикете Родион Павлович обычно включал переадресацию на свою секретаршу, чтобы Алина записывала, кто звонил и по какому вопросу. Через минуту она перезвонила со своего личного номера и шепотом попросила не бесить его больше.

– Нет, серьезно, он и так уже злой как черт и только что лично отнес на проходную приказ о твоём увольнении.

– Алинка, что же мне теперь делать?

– Честно, не знаю. Мы с ребятами до сих пор не можем понять, что ты такого капитального мог запороть, раз он на тебя так взъелся. Как будто подменили человека. Да, кстати, бухгалтерия тебя уже рассчитала. Сейчас не могу говорить, но через два дня шеф уезжает – приходи в обед, поболтаем, заодно и вещи заберешь. С охраной я как-нибудь договарюсь.

К телочке?

Уже год как почти все молодые особы женского пола в моем лексиконе именуется исключительно «телками» – наверное, чтобы подчеркнуть контраст между той, что уехала (тогда мне еще казалось, что когда-нибудь мы снова будем вместе), и теми, что остались. Хотя чего тут скрывать, я и раньше не испытывал особого пиетета по отношению к женщинам. Брюнетки, блондинки, рыженькие – их было много и до, и после, и еще с института обо мне шла молва как о засранце, использующем девчонок в собственных интересах.

Не знаю, что там конкретно подразумевается под этими самыми интересами— просто я действительно считаю, что если ты со мной, то должна стать такой, как мне нужно (при условии, конечно, что я даю тебе то, что предписано мужскими правилами игры— романтика, ухаживания и прочее). Вот ее я не смог сделать своей. Она была слишком независимой и не покорилась «деспотизму в отношениях» (цитата), предпочтя порвать со мной раз и навсегда. Так что когда мне говорят про мое засранство, я смеюсь: сами виноваты.

Вообще-то, если уж разбираться, я с детства рос застенчивым, но окружающие так часто говорили мне, что я чертовски симпатичен, что, в конце концов, я с этим смирился, перестал стесняться и, кроме того, сделал важное открытие. Симпатичная внешность реально помогает в общении с противоположным полом, и не только с ним, кстати, и позволяет получить то, что тебе нужно. Как все-таки мне повезло с внешностью.

В моей жизни было много женщин, слишком много, таких разных, но, в то же время, таких одинаковых, но среди них не было ни одной, кто мог бы мне помочь. Единственная же, кому я мог довериться, через три недели выходит замуж за другого, и к чему мне нагружать ее своими проблемами. Пусть будет счастлива.

Наверное, этот Леша— моя прямая противоположность, иначе, почему она так быстро смогла все забыть? Ведет себя так, будто прошел всего на всего год, а ведь для меня это

была целая вечность и я помню все в мельчайших подробностях, словно это было вчера. Стоп, опять меня уводит в сторону.

К родителям?

Странно, что о них я всегда вспоминаю в последнюю очередь, хотя в детстве очень любил обоих. Да и сейчас люблю, конечно, правда, все больше на расстоянии.

Мне давно казалось, что без меня им как-то легче. Вместе с ними в нашем старом доме жил младший сын с семьей – опора и поддержка их старости, а вот я был никудышным раздолбаем и просто из кожи вон лез, чтобы расстроить родителей (так, во всяком случае, говорит братишка). У нас с ним отношения, как бы так выразиться помягче – не очень. Он с детства был идеальным: тихий, аккуратный, вежливый, отличник-зубрила, и вся эта правильность меня чертовски угнетала.

Почему-то считалось, что я приезжаю в родительский дом только когда у меня проблемы. Ну да, по большей части так оно и бывает, но ведь не всегда же. Например, в последний раз все было отлично. Я заехал, чтобы поздравить родителей с новым годом и заодно похвастаться своими успехами на работе – все уже успели привыкнуть к тому, что на личном фронте у меня полный провал. Мама тогда очень обрадовалась, поставила тесто на пирожки, а отец за столом с гордостью наставлял старшего внука:

– Бери пример со своего дяди, мой мальчик. Посмотри,

какой он у тебя молодец – будет заниматься международным проектом. Знаешь, что это такое?

После ужина братишка с кислой миной попросил не расстраивать стариков (для этого же приехал, разве не видно) и поплакаться где-нибудь в другом месте.

– Ты уедешь, а мама потом еще недели две будет сердечные капли пить, и отец тоже. Не будь эгоистом, подумай об их возрасте.

Как же получилось, что я стал лишним в собственной семье? Даже выражение «моя семья» теперь звучало для меня каким-то анахронизмом. Вот у братишки их было целых две, а у меня, по ходу, уже не одной. Хотя, что ни говори, родители радовались моим редким визитам, вот только мне они давались с трудом. Во-первых, братишка, а во-вторых, мама.

– Когда же ты женишься, сынок? – и утирает глаза уголком платка. Отец, слава богу, молчит, но делает это весьма красноречиво. Да, проблема моего холостяцкого существования стоит очень остро – как же так, у младшего уже третий ребенок на подходе, а старший все никак не остепенится.

Черт побери, не думал, что я настолько одинок. Казалось бы, вокруг меня всегда крутилось столько людей, некоторые даже клялись мне в вечной любви и преданности, а сейчас...

В тот вечер я еще долго бродил по улицам, погруженный в нерадостные мысли: идти домой, если честно, боялся, а больше идти мне было некуда. Впервые за много лет я был предо-

ставлен самому себе, и чего только не передумал. Забавно, я даже умудрился отыскать в череде свалившихся на меня проблем положительный момент: сейчас июль, а что бы я делал, случись это зимой? А еще я увидел полную луну. Так странно: гуляя с женщинами, я очень часто изображал из себя романтика и плел им о том, как прекрасны они в ее нежном свете, но при этом ни разу не посмотрел на небо. Сегодня я понял – луна действительно красива.

Увидев знакомую вывеску, я даже затряс головой, отгоняя навязчивую картинку, но ошибки быть не могло: ноги действительно сами привели меня ко вчерашнему бару – тому самому, где я бездарно продул две партии подряд и, возможно, осчастливил своего визави на целый миллион. Баксов.

Я толкнул дверь и вновь оказался в дымной полутьме. Стойка, столики, бильярд – как и следовало ожидать, за прошедшие сутки здесь ровным счетом ничего не изменилось, разве что, народу прибавилось, и среди посетителей не было моего качка.

Черт!

То, что я снова оказался в этом баре – это, наверняка, работа моего подсознания. Похоже, я внутренне искал встречи с рыжим, и сейчас, поняв, что его нет, ощутил что-то, сильно смахивающее на разочарование.

А чего ты ожидал? Офис «Ангелов» работает до семи, так что у мужика была уйма времени получить деньги и начать

праздновать. Сейчас он, должно быть, уже налился до бровей в каком-нибудь крутом ресторане, отмечая свое невероятное везение и заодно твою редкостную тупость.

Перед глазами возникла улыбающаяся бородатая физиономия новоиспеченного миллионера, и градус моего настроения медленно, но верно пополз вниз.

– Одну текилу.

Вчерашний бармен кивнул мне как старому знакомцу, и через мгновение перед моим носом уже стоял полный стакан.

Выудив неизменную дольку лайма прямо на стойку, я осушил его в два глотка – как всегда, горькая жидкость сначала обожгла мое горло, а чуть погодя по животу волнами растеклось мягкое тепло.

– Я смотрю, людей у вас сегодня побольше.

Ха! Завидная наблюдательность, кэп. Да ладно, для начала разговора самое то.

– О, да, пятница же. Хотя не так весело как вчера.

Мне показалось, или этот мужик на самом деле мне подмигнул?

– В смысле? Ты про нашу игру, что ли? Не знаю, не знаю... Мне было скорее даже грустно. Два раза подряд продул.

Наклонившись через стойку, бармен заговорщически прошептал:

– Да ты же самое интересное вчера пропустили.

Пауза.

Проклинаая извечную манеру обслуживающего персонала тянуть кота за яйца, делая из любого пустяка интригу, я придвинулся ближе.

– Этот рыжий... Знаешь, он наш постоянный клиент... Имени не знаю, но он сюда каждый день заходит...

Пауза.

– Ну, тот, с кем ты еще в бильярд играл...

Пауза.

– Да понял я, понял. Что дальше? Он выигрыш получил?

– Ой, сомневаюсь.

– А что же тогда?

– Представляешь, у нас вчера менты были. Вот где-то минут через сорок как рыжий ушел. Сначала ты, потом он, а потом... Я сначала даже подумал, что это к нам. Но когда их главный начал спрашивать про рыжего бородатого качка, я сразу понял, что это к нему. А потом...

Компания за соседним столиком заказала виски на всех – как будто специально подгадали момент, – и я остался наедине со своими мыслями.

Менты... Не кисло. Может, я перестал разбираться в людях, но на братву, ради которой среди ночи будут пригонять автобус в погонах, мой противник по игре был похож меньше всего. С улицей, скорее всего, он связан, но масштаб ведь не тот. Просто мелкая сошка, любитель выпить и погонять шары. А что, если снова билет? Бред – не бред, но старушка то действительно умерла, и у меня в последние дни полная зад-

ница буквально во всем, и на него наехали не по-детски. Получается, все, кто хоть как-то соприкоснулся с этим проклятым билетом, вляпался. Круче всех, конечно, бабка. Карма. Стыдно признаваться – на дворе уже всю двадцать первый век, но как ни крути, билет приносит несчастье. Однозначно. Не знаю, может быть, под удар попадают лишь те, кто его, так или иначе, лишаются? Бабка билет подарила, я – проиграл. Интересно, что такого мог с ним сделать рыжий? Выкинул по дороге? А вдруг все еще можно исправить? Собственно говоря, с чего я взял, что он его выкинул. Надо узнать его адрес, поговорить с женой, любовницей, мамой или с кем он там живет. А может, сразу поехать к «Ангелам»?

– На чем это я остановился?

Мои судорожные попытки разработать хоть какой-то мало-мальски годный план действий прервал шепот бармена.

В шпионов, что ли, в детстве не доиграл? К чему такая конспирация? Сам же сказал, что не по их душу приходили.

– На том, что у вас менты вчера были.

– Да, точно. Знаешь, как все-таки хорошо, что это было не к нам. Так не хочется снова искать работу. Три месяца как устроился.

– Угу. Еще что-то было?

– Пожар.

– Какой еще пожар? – Я невольно стал озираться по сторонам, но следов недавнего огня не заметил.

– Ну, у того рыжего. Он тут неподалеку живет. Жил, то

есть. В конце этой улицы. Его дома повязали – получается, сразу после нас туда отправились, а после обыска там полыхнуло. Бригада приехала, полночи тушили. Я сам не видел, но сменщик рассказал, что от дома одни головешки остались. И вроде не поджог, а само вдруг загорелось. Повторить?

– Текилу, только без лайма.

– А, правда, что билет был выигрышный?

– Думаю, что да.

– Вот, блин, рыжий – бедолага, воспользоваться то им он точно не успел, ночью же забрали. Так что, скорее всего, билет вместе с домом и сгорел. Ты как?

С трудом справившись с неожиданно накотившей дрожью, я утвердительно кивнул и, сделав большой глоток, прошептал:

– Думаю, что да. Сгорел скорее всего.

Мужик в ментовке, дом сгорел, билета нет.

Билета нет. Билета нет. Билета нет. Все крутилось в голове.

Я сидел у барной стойки, уставившись невидящими глазами в пространство, а внутри меня медленно сжималась какая-то пружина, словно кто-то вставил мне в пупок огромный ключ и начал меня заводить. Внезапно к горлу подступила дикая тошнота, и я понял, что пора отсюда выбираться. Швырнув, не считая, стопку купюр на стойку (они угодили прямоком в лужицу от спиртного), и провожаемый недоуменными взглядами словоохотливого бармена, я потащил-

ся на улицу.

Похоже, сегодня все было настроено против меня: как в бане – ни глотка свежего воздуха, лишь июльская липкая духота и пышущий жаром асфальт. Всего пару минут, и мне стало совсем худо, да так, что я чувствовал: еще чуть-чуть, и я вывалю на всеобщее обозрение содержимое своего желудка, будто во мне плескалось не полтора дринка, а целый ящик текилы.

Да что же со мной происходит?!

Постанывая, нет, скорее даже поскуливая, я неверной походкой двинулся в сторону большой дороги, а внутреннее напряжение нарастало с каждым новым движением. Меня заводили как часовой механизм, и, казалось, я физически ощущаю в себе дрожь стальной пружины, сжатой почти до предела и готовой выстрелить в любую секунду.

– Эй, Серый!

Сквозь дурноту я услышал чьи-то крики и взрывы громкого хохота и с трудом поднял глаза. Как оказалось, ко мне быстро приближалась компания каких-то пацанов навеселе. Их было четверо – один вприпрыжку шел впереди, а остальные, растянувшись почти на всю ширину улицы, догоняли.

Я был достаточно осторожным человеком, стараясь не нарываться на конфликтные ситуации, если их можно было избежать, а здравый смысл, наличием которого я всегда гордился, подсказывал, что связываться с пьяными незнакомы-

ми – себе дороже. В любой другой день я, безусловно, отошел бы в сторону, пропуская их вперед. В любой другой, но только не сегодня.

Не меняя курса, стиснув зубы, я пошел на таран, спотыкаясь на каждом шагу, и уже через несколько мгновений повалился на землю, сбитый довольно чувствительным ударом.

– Эй ты, косой, что ли? Смотри, куда прешь!

Последний поворот ключа, и взведенная до отказа пружина лопнула.

Наверное, за эти дни я действительно потерял ориентиры в жизни (все, что мне казалось важным, было утрачено, и, похоже, навсегда, а установки, на которых базировалось мое мироощущение, разбиты вдребезги) и скорее всего, я решил, что физическая боль вернет чувство реальности. Не знаю, все может быть. Но в тот момент я точно ни о чем таком не думал – просто меня с головой накрыла волна бессмысленной ярости, и я целиком и полностью отдался ее власти.

– Идите вы на х@@! – крикнул я вслед удаляющейся компании.

Любой уважающий себя мужик за такие слова размазал бы меня по асфальту, но мне и этого показалось мало. С трудом поднявшись на ноги, я, смеясь как последний идиот, показал средний палец я стал ждать, пока Серый преодолеет разделявшие нас несколько метров. В этой компании он явно был заводилой и проигнорировать такие оскорбления не мог.

– Что ты сказал, урод?! Повтори!

– Ха-ха-ха-ха-ха!

– Брось, Серый. Не видишь, что ли, он бухой или психанутый. Не связывайся с ним. Пойдем, нас же ждут, – подоспевший второй пацан попытался оттащить своего взбешенного друга.

– Ха-ха-ха-ха-ха!

– Ты слышал, что он сказал?! Я что, должен этому козлу вот так все спустить с рук?!!!

– Ха-ха-ха-ха-ха!

– Забей, он же ненормальный...

– Это я ненормальный?! На себя посмотри, придурок! А ты трус, слышишь? Вонючий трус, даже с пьяным боишься драться! Моя бабка – и то смелее тебя! Вали отсюда, баба!

Это были мои последние членораздельные слова.

Первым же ударом Серый свалил меня с ног и, подзуживаемый моими нецензурными выкриками и выпитым алкоголем, начал меня яростно избивать, а второй пацан, тот, что пытался по-тихому спустить конфликт на тормозах (похоже, единственный из всех нас, у кого не выключился мозг), все тянул его за руки, силясь предотвратить мое убийство. Да-да, будь на моем месте неопытный или слабак, Серый, наверняка, забил бы меня до смерти (в ход пошли уже ноги), но на свое счастье, я пять лет занимался боксом. Поймав нужный момент, я ухитрился вскочить и уверенным ударом в челюсть отправил его в нокаут.

Готов.

Оставшимся двоим понадобилось всего несколько секунд, чтобы осознать произошедшее, после чего они со свежими силами кинулись на меня. Двое на одного. И, тем не менее, я был далек от поражения, хоть было чертовски больно.

Сколько мы дрались – не знаю, наверное, не очень долго, так как никто бы не выдержал этого убийственного темпа больше пяти минут. Реальность сжалась до крошечного пространства, ограниченного руками и ногами моих противников, глаза заливало кровью, асфальт под ногами стал скользким. Все же, что происходило снаружи, достигало моего сознания отдельными фрагментами, подернутыми туманом, с трудом продираясь сквозь резкую боль. Я понял, что тот пацан пытается привести друга в чувство, а другой, избитый мной, в бессильной злобе схватил булыжник.

На своем опыте я узнал, что камень, зажатый в яростной, озверевшей руке – страшное оружие. Все что я мог – это свернуться в позе эмбриона, прикрыть голову руками и постараться прожить хотя бы еще чуть-чуть. Помню безумную, ни с чем несравнимую боль во всем теле, усиливавшуюся с каждым ударом, острый запах собственной крови, пота и мочи, хруст костей, хлюпанье месива, в которое местами превратилась моя плоть, резкий звук (это камень попал не по мне, а по асфальту)... Еще чуть-чуть, и я потерял чувствительность: я был отбивной, внутри которой слабо пульсировала жизнь.

– Ты же убьешь его! Остановись!

А что, это выход.

Секунд через тридцать я перестал судорожно цепляться за жизнь и опустил руки. Удар. Темнота.

Сквозь закрытые веки я почувствовал яркий свет и попытался их приоткрыть. Мгновение – и все мое существо наполнилось дикой болью, будто каждая клеточка организма была пробита гвоздем. Миллиарды гвоздей, которые впивались в меня при каждом движении, даже столь малом как открытие глаз.

Черт!

Там, где я находился, было тихо, светло, и прохладно, но где это там, я пока не знал. Пространство вокруг меня, целиком и полностью состоящее из молочной мути, вращалось как карусель. Тошнило. Спустя какое-то время (минуту, день, год, вечность?), круговерть слегка поуспокоилась и постепенно начала приобретать физические очертания. Превозмогая боль, я сфокусировался на одной точке: в результате моих нечеловеческих усилий туман перед глазами уплотнился, и я, наконец, понял, что лежу, уставившись на побеленную известкой стену. Повороты головы были мне не доступны, но, похоже, я был укрыт белым же одеялом, загипсованные ноги висели на растяжках, а сбоку в пределах видимости маячили какие-то трубки. Самым же удивительным в этой ситуации было то, что, я не только пришел в созна-

ние, но и легко вспомнил детали, объяснявшие, где я, и что именно со мной случилось.

После того, как тебя уделали булыжником, ты по всем законам должен лежать в морге. Должен, но не лежишь – ведь вряд ли патологоанатом станет бережно перебинтовывать своего клиента с ног до головы и подключать его к капельнице. На тот свет тоже не похоже, так что остается лишь один вариант – палата.

Как часто, очухавшись после попойки, я не сразу мог сообразить, где я нахожусь. Но если раньше это всегда оказывалось моим собственным домом, квартирами друзей, знакомых и незнакомых телок, барами, гостиницами, на худой конец, сегодня впервые в жизни я был вынужден признать, что я очнулся на больничной койке, после драки, в которой лишь чудом остался жив.

– Ну, наконец-то ты пришел в себя. Как ты себя чувствуешь?

В поле моего зрения появилось девичье лицо – судя по прядям золотистых волос, выбившимся из-под белой шапочки, это было медсестра.

Мне хотелось сказать, что хреновей некуда, и спросить, где я мог ее раньше слышать, и почему она со мной на «ты», но ничего не получилось: максимум, на что я был способен – это прохрипеть что-то нечленораздельное.

Девушка склонилась над капельницей, покрутила какие-то колесики, и боль потихоньку начала отступать.

– Так лучше?

– Немного... Спасибо.

Неужели это мой голос?

После я уснул, а проснувшись, понял, что медсестра все еще сидит рядом (наверное, возле моей кровати был стул или табуретка, которую я прежде не заметил).

– Добрый день.

– Давно я здесь?

– Тебя привезли десять дней назад, и до вчерашнего утра ты все время был без сознания.

Десять дней? А помню, как будто это произошло только вчера.

– Думаю, ты никогда этого не забудешь. Хотя, чему удивляться, ты же сам хотел, чтобы тебя избили.

Откуда она знает? Может, те пацаны рассказали, что я нарочно нарывался?

– Увы и ах... Ничего они не рассказали. Увидев, что ты потерял сознание, они трусливо убежали, бросив тебя истекающую кровью. Скажи спасибо Антону – все-таки он оказался не законченным негодяем и в последний момент вызвал скорую. Еще чуть-чуть, и даже мы не смогли бы тебе помочь.

Что ты несешь, девочка? И что, черт побери, тут вообще творится? А может, я в дурдоме? Это многое бы объяснило. Точно, у психов сейчас время визитов: сначала эта ненормальная, вообразившая себя ангелом-спасителем, потом, наверное, Наполеон придет.

– А-я-я-я-яй. И не надоело тебе быть циничным? Ведь, казалось бы, столько всего уже с тобой произошло, а ты все никак не уймешься.

Боже, по ходу, я схожу с ума.

–Странные, вы, люди, создания. Жалуетесь, когда у вас все хорошо, отвергаете дарованный шанс изменить свою жизнь к лучшему. Вам легче поверить в собственное сумасшествие, чем в то, что Он вас любит. Вот ты, например. Ты никогда не задумывался над тем, почему тебе всегда и во всем сопутствовала удача?

–Я ... Э-э-э...

– Глупышка. Говоря привычным для тебя языком, ты все не такой крутой мужик, каким себя мнишь. Таких, как ты, называют «рожденными под счастливой звездой». Ты был отмечен нами, но ничего, абсолютно ничего не сделал для того, чтобы оправдать наш выбор.

– Но я ...

–Т-с-с-с, – она приложила палец к моим губам, – Лежи спокойно и не дергайся.

–Черт побери, я знаю, где слышал твой голос! Ты – та старушка, что всучила мне лотерейный билет, а еще секретарша, пообещавшая миллион баксов... Черт! Черт! Ну надо же!

–Перестань чертыхаться.

– Боже ты мой...

– Нет, это уже никуда не годится. Мало того, что черты-хаешься и сквернословишь на каждом шагу, так еще и его

постоянно всуе поминаешь.

– Зачем ты ее убила?!

– Как тебе не стыдно так говорить? Помнишь, она застыла посреди дороги? В тот момент истекло ее время на этой земле. Я лишь ненадолго оттянула час, когда ее дочь и внуки осознали, что она ушла в наш мир.

– Но...

– Не перебивай меня, пожалуйста.

– Я...

– Что же мне с тобой делать, непослушный? Наверное, придется прибегнуть к крайним мерам.

Она нежно коснулась моих губ, и я понял, что не в состоянии выдавить из себя ни слова. Все, что я мог – это кряхтеть, пучить глаза и дергаться на койке, и то лишь в той мере, что позволяли растяжки и гипс.

– Вот так-то лучше. Лежи и слушай внимательно. Надеюсь, ты осознал, что ничего хорошего в своей жизни так и не сделал. Конечно, будь у тебя сейчас голос, ты мог бы возразить, что и плохого тоже: никого не убил, не ограбил, но, поверь, это совсем не повод для гордости. По мне, откровенное зло даже лучше. Даже у последнего негодяя есть больше шансов встать на путь исправления, чем у тебя, – ведь он нашел в себе смелость честно признаться в том, кто он есть на самом деле.

А ты – никто. Все возлагали на тебя столько надежд – он, мы, твоя семья и близкие, но ты предпочел растратить свой

дар по пустякам, построить крохотный, циничный и глупый мирок вокруг себя и стать его центром. Хотя в действительности возле тебя никого нет. Твое окружение – видимость, и мне очень жаль, что ты только сейчас это понял. Как думаешь, кто останется рядом, лиши мы тебя удачи, единственного качества, что привлекает людей в тебе? Но ведь по правде она – не твоя. Ты получил ее свыше, и я до сих пор не могу понять, с чего ты решил, что можешь вести себя так, словно это целиком и полностью твоя личная заслуга? Выходит, ты всю жизнь обманывал других, но в конечном итоге сам остался в дураках.

Ты подменил истинный мир ложным, но ведь так не должно быть. Умри ты сегодня или месяц назад, болтался бы между мирами, как сам знаешь, что, и сам знаешь, где, до скончания веков. Что, испугался? А ведь мы давали тебе возможность исправиться. Послали кусочек чуда – но ты не поверил, усомнился, совершенно наплевав на свой внутренний голос, на наш голос, что давал тебе подсказки. Ты плохо выучил урок, мальчик. Вместо того чтобы искать причину неудач в себе, ты, как обычно, решил сжульничать и переложить вину на плечи других. И что в итоге? Довольно безобидный любитель бильярда в тюрьме, ребята стали убийцами. Удивительный ты все-таки человек. Даже мысленно умудряешься меня перебивать. Хорошо, почти убийцами, но в данном случае это не имеет особого значения. В вашей жизни все взаимосвязано, и поступки любого из вас так или иначе вли-

ают на судьбы других людей.

Не плачь. Я знаю, правду слышать тяжело, но без этого я не могу позволить тебе вернуться. И знаешь, я очень рада, что в эту минуту ты думаешь не только о себе – это значит, что мы не ошиблись в своем выборе. С ним все будет хорошо, не переживай, и с ними, надеюсь, тоже. Еще один шанс? Тебе? Нет-нет, я же сказала, что ты растратил отпущенный тебе совершенно бездарным образом, и ничем не заслужил второго. Но видишь ли, все-таки жизнь – удивительная штука. Так получилось, что ты очень нужен другому человеку, хорошему, между прочим, и вот ему то мы и дарим этот шанс. Тебя, то есть.

Глупышка, она – не твоя судьба, и все, что ты можешь ей дать – несчастье и полное разочарование в жизни. Забудь ее и отпусти. Я говорю о другой. Ты поймешь, ты обязательно сам все поймешь, – она ласково гладила меня по голове, и с каждым прикосновением моя душа наполнялась умиротворенностью и твердой уверенностью в том, что все точно будет хорошо. Боль постепенно отступала.

– Кто я? – прозвенел колокольчиком ее смех. – Вы каждый раз задаете мне один и тот же вопрос. Это ты тоже поймешь когда-нибудь, а теперь закрывай глаза. Пусть ты не веришь в чудеса, но я дарю тебе последнее чудо. Помни, всегда есть возможность все изменить и повернуть время вспять... вспять... вспять...

Под это нежное эхо я уснул.

Я стоял у обочины и думал о том, как же меня все это достало – работа, шеф. Что еще, спросите? Конечно, глупые телки.

Я докурил сигарету, прицелился, чтобы выбросить окурок, и тут краем глаза заметил неподалеку девушку на шпильках.

Дежавю?

– Да что же за день то сегодня такой?!

Повернувшись на возглас, я сразу понял, в чем дело: она сломала каблук, и теперь растеряно озиралась, в поисках какой-нибудь скамейки.

Да уж, извечные женские проблемы. Теперь для симметрии надо второй отломать.

Перед глазами живо возникла прыгающая на одной ноге девушка, и я невольно засмеялся.

– Вас бы на такие каблуки, – буркнула она, сосредоточенно разглядывая свою ногу.

– Ой, извините, пожалуйста. Я не над вами, просто, э-э-э, вспомнил одну забавную историю. Вам неудобно, наверное? Давайте, помогу.

– Спасибо, очень мило с вашей стороны. Это ничего если я обопрусь? Туфель никак не снимается.

– Конечно, конечно. Сумку тоже давайте, – широко улыбнулся я. Ее робкое прикосновение было очень приятным. – И как, много картошки влезло?

– В смысле? – на меня с удивлением уставились темные бездонные глаза.

– Не обижайтесь, я просто пытаюсь шутить, но получается довольно неуклюже, да? Моя мама любит говорить, что в нормальную женскую сумку должны помещаться две буханки хлеба, пакет молока и кило картошки. Судя по весу, вы в вашу все пять положили.

– Веселая у вас мая. Тяжело, да?

– Что вы! Если такая хрупкая девушка как вы с легкостью справляется с этим баулом, то я... У вас второго, случайно, нет?

– Вы тоже веселый.

– Не знаю, может быть. Просто день сегодня замечательный, и настроение – супер. Не расстраивайтесь вы так, каблук – это ерунда.

– Первый день как надела новые туфли, и вот, уже сломала. Всегда у меня так.

– Я знаю, что нужно делать. Тут за углом сапожник есть, я сбегаяю. Не могу же я, в самом деле, допустить, чтобы вы на одной шпильке ковыляли.

– Ой, совсем забыла, у меня же кроссовки в сумке есть. Я на тренировку собиралась.

– Так значит, это была не картошка? Какое разочарование.

Пока я балагурил, девушка успела переобуться и теперь стояла в летнем воздушном платье и грубых кроссовках, критически разглядывая свое отражение в магазинной вит-

рине. Невысокого роста, стройная, с водопадом каштановых локонов, изящно обрамляющим милое лицо, она казалась маленькой девочкой, которая сейчас расплачется от обиды. И я понял (наверное, впервые в жизни), что готов сделать что угодно, лишь бы она никогда больше не плакала.

– Да уж, ну и видок.

– В лучших традициях откутюр. Ну вот, вы и улыбнулись. Знаете, вам очень идет, когда вы улыбаетесь.

– Спасибо.

– У вас глаза светятся от улыбки. Мне нравится, честное слово. Никогда раньше не видел таких красивых глаз. Думаете, я вру?

– Нет, мне кажется, вы говорите правду.

Стоит ли здесь упоминать о том, что о тее слов я почувствовал себя абсолютно счастливым. Так бы стоял и любовался ею целую вечность, или, по крайней мере, пока она не ушла.

– Вы торопитесь?

– А сколько сейчас времени?

– Скоро пять.

– Боюсь, что уже нет.

– А тренировка?

– Опоздала. Представляете, сначала одежду дома забыла, потом не на той станции метро вышла, и вот под занавес – каблук.

– Да, насыщенный у вас день получился.

– А вы? Торопитесь, да? Спасибо вам большое за помощь.

– Нет-нет, я тут просто подумал... Знаете, абсолютно в любой ситуации можно найти плюсы, стоит только захотеть.

– Неужели? И какой же плюс в моей?

– А вдруг, вы решите, что я какой-нибудь маньяк, и убежите... в кроссовках.

– Ха-ха-ха! Не убегу, обещаю.

– Ну, смотрите, верю вам на слово. Мне кажется... э-э-э... как бы это сказать... В общем, я встретил вас, а вы – меня, и по-моему, это здорово. Я вовсе не пытаюсь к вам нагло пристать, просто... просто я только что понял, что очень хочу пригласить вас на чашку кофе... без сахара... Да-а-а, сумбурно как-то получилось... Но если вы предпочитаете сладкий, можем заказать...

– Кофе без сахара – мой самый любимый.

Много лет спустя, я сказал, что мне ее послали ангелы, а она улыбнулась в ответ:

– Это были мои каблуки.